

В. В. Тихонов

**Забывтые страницы советской историографии:
дискуссия Б. Д. Грекова и Б. И. Сыромятникова о характере
социально-экономического строя Киевской Руси ***

Советская историческая наука – явление сложное и неоднозначное. Споры о характере этого феномена, по существу, только начинаются¹. Поскольку современная историческая наука органично связана с советским историографическим наследием, становится очевидной необходимость анализа всех перипетий развития исторического знания в советское время. Данная работа посвящена рассмотрению малоизвестного эпизода дискуссий о социально-экономическом строе Древней Руси, развернувшихся в 30-е гг. XX в. С одной стороны, данное историографическое событие представляет интерес как важный этап становления, борьбы за признание и утверждение концепции феодализма, предложенной Б. Д. Грековым и вскоре ставшей официально признанной. Более того, дискуссия показывает те концепционные альтернативы, которые были предложены оппонентами Б. Д. Грекова, но так и не были реализованы. С другой стороны, дискуссия является прекрасной иллюстрацией тех методов полемики (тесная связь анализа фактического материала с опорой на догматически интерпретированные высказывания классиков марксизма-ленинизма), которые утвердились в советской исторической науке. Заметим, что такой стиль играл адаптационную роль в условиях господства во многом насильственно установленной парадигмы².

1930-е гг. ознаменовались острыми спорами о социально-экономическом характере Древней Руси. Пристальное внимание к проблемам генезиса древнерусской государственности было обусловлено целым рядом причин. С одной стороны, это был научный вопрос, крайне важный для советской исторической науки, проходящей этап своего становления. В ходе дискуссии вырабатывались критерии классового подхода, ставился вопрос о взаимоотношении базиса и надстройки, обсуждались проблемы становления и развития формаций применительно к русской истории. В 1933 г. Б. Д. Греков в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) представил

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-01-00264а

¹ См. о дискуссиях: *Тихонов В. В.* Советская историческая наука в новейших отечественных исследованиях: подходы и перспективы // Будущее нашего прошлого. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, РГГУ, 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С. 241–248.

² *Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений. М., 2008. С. 178–222.

Тихонов Виталий Витальевич, научный сотрудник Института российской истории РАН.
E-mail: tihonovvitaliy@list.ru

© В. В. Тихонов, 2012

доклад «Рабство и феодализм в Киевской Руси», в котором отстаивал положение, что славяне, подобно германцам, перешли к феодализму, минуя рабовладельческую стадию. Тогда это утверждение вызвало активную полемику, в ходе которой выделились две основные группы: сторонники грековской схемы ранней феодализации древнерусского общества и поборники обязательного рабовладельческого этапа в отечественной истории¹.

Была и еще одна, идеологическая подоплека. Дело в том, что синхронизация исторического развития России и Западной Европы рассматривалась как научное обоснование неизбежности социалистических революций в Европе. Отталкиваясь от постулата об универсальности формационной теории, советские лидеры рассматривали победу большевизма в Советском Союзе лишь как первую ласточку в череде глобального формационного обновления при переходе от капитализма к социализму.

Наконец, играли важную роль и сугубо патриотические соображения. Построение социализма «в отдельно взятой стране» требовало культивирования идеи о том, что русская история развивалась в одном русле с общеевропейской. Поэтому мнение о том, что в Древней Руси господствовало рабовладение, в то время как на Западе установился классический феодализм, могло расцениваться как утверждение об отсталости Руси. Не удивительно, что концепция Б. Д. Грекова вскоре получила официальную поддержку.

В то же время сторонники трактовки социально-экономического строя Древней Руси как рабовладельческого ратовали за сохранение чистоты марксистско-ленинского учения, стремились доказать, что формационная теория является абсолютно универсальной. Исходя из этого, никакие отклонения в развитии какого-либо общества не признавались.

Новый виток полемики начался после публикации «Истории ВКП (б). Краткий курс» в 1938 г. В главе «О диалектическом и историческом материализме», написанной лично И. В. Сталиным, говорилось о пяти формациях: «Истории известны пять основных типов производственных отношений: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический»². Эта схема дала повод противникам концепции Б. Д. Грекова утверждать, что, согласно Сталину, все общества неизбежно должны проходить пять стадий. Дискуссия возобновилась. В 1939 г. А. С. Шестаков опубликовал в «Учительской газете» статью, в которой доказывалось существование в

¹ См. подробнее: *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 88–97; *Дубровский А. М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 210–214; *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2006. С. 172–184; и др.

² *История ВКП(б). Краткий курс.* Стереотипное издание. М., 1997. С. 119.

Киевской Руси рабовладельческого общества¹. Статья вызвала протест сторонников концепции феодализма и на нее последовал быстрый ответ². На этом этапе к дискуссии подключился и Сыромятников в качестве еще одного из оппонентов Б. Д. Грекова.

Борис Иванович Сыромятников (1874–1947) сформировался как историк еще до революции³. По образованию он был юристом, усвоившим специфический для дореволюционной науки историко-юридический подход, основанный на трактовке социально-экономических отношений через призму политико-правовых доктрин. Тем не менее, в своих работах Сыромятников никогда не скатывался исключительно на формально-юридическую интерпретацию явлений. Будучи последователем социологической школы права Р. Иеринга и являясь сторонником идей В. О. Ключевского о синтезе истории и социологии, он стремился рассматривать историю права на широком социально-экономическом фоне. История Древней Руси являлась одной из центральных в его научном наследии. В своем дореволюционном творчестве Сыромятников одним из первых среди российских историков стремился доказать наличие феодальной эпохи в русской истории⁴. Также как и Н. П. Павлов-Сильванский он относил феодализм к XIII в., то есть к периоду раздробленности, когда, по его мнению, четко обозначился процесс формирования крупных боярских вотчин, основанных на использовании рабского труда. В дальнейшем вотчина расширялась подминая под себя местных ранее свободных общинников. Рабы и земледельцы-общинники смешивались в единую социальную группу, превращаясь в зависимое население. Постепенно крупная боярская вотчина становилась одной из основ феодального порядка⁵.

Возвращение Сыромятникова к тематике русского средневековья произошло в начале 1930-х гг. После Октябрьской революции историк-юрист представлял собой яркий пример тяжелой адаптации так называемых историков «старой школы» в советской исторической науке. Он не подвергся

¹ Шестаков А. В. К вопросу об общественном строе Киевской Руси // Учительская газета. 1939. 21 мая.

² Греков Б. Д., Бахрушин С. В., Панкратова А. М. Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? // Учительская газета. 1939. 03 июня.

³ Бельский И. Л. Борис Иванович Сыромятников // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 204–213; Дурновцев В. И. Б. И. Сыромятников и проблема «Россия и Запад» в русской историографии в начале XX века // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2009. № 142. С. 19–23; Дурновцев В. И., Тихонов В. В. Жизнь и труды историка Б. И. Сыромятникова. М., 2012; Тихонов В. В. Историк «старой школы»: Научная биография Б. И. Сыромятникова. Pisa, 2008; Он же. Жизнь и научная деятельность Б. И. Сыромятникова // История и историки. 2007. Историкографический вестник. М., 2009. С. 281–308.

⁴ Муравьев В. А. Б. И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в древней Руси // История и историки. 1973. Историкографический вестник. М., 1975. С. 128–160.

⁵ Сыромятников Б. И. История русского государственного права. М., 1909.

репрессиям, как многие представители дореволюционной профессуры, но около двадцати лет являлся аутсайдером, не сумев влиться в новую советскую научную элиту. Ситуация изменилась в начале 1930-х гг., в особенности после постановления 1934 г. «О преподавании истории в школе» и разгрома «школы Покровского». «Старые специалисты» вновь стали востребованными, и, как следствие, оказались в центре дискуссий по ключевым проблемам отечественной истории. Безусловно, участие воспитанников дореволюционной академической традиции добавило дискуссиям научной глубины и взвешенности. Но, тем не менее, их роль состояла отнюдь не в представлении альтернативного марксистскому подходу взгляда на русскую историю, а в обосновании и конкретизации тех нечетко озвученных классиками марксизма-ленинизма и официальными идеологами концепций, которые должны были стать отправной точкой в научной исследовании.

Но именно здесь и возникала «клазейка» для, в известной степени, самостоятельной интерпретации проблем, поскольку цитаты классиков марксизма-ленинизма и официозные директивы звучали туманно, были фрагментарны и зачастую оторваны от конкретно-исторического материала. Таким образом, борьба за интерпретацию – еще одна форма «творческого применения» марксизма. Анализируя творческое наследие выдающегося советского медиевиста С. Д. Сказкина, Е. В. Гутнова пришла к выводу: «С помощью... творчески интерпретируемых цитат ученый получал некоторую свободу маневра и возможность развить свои собственные взгляды, по сути дела, чуждые догматизму и начетничеству»¹. С. О. Шмидт вспоминал: «Мы быстро осознали то, что цитаты из сочинений классиков, даже ссылки на них, не только обороняют, но и позволяют прикрыть самостоятельность непривычных, новаторских даже, суждений и внедрить их в сознание читателей»². Более того, высказывания классиков нередко противоречили друг другу, становясь знаменами приверженцев той или иной концепции. Это же произошло и в ходе полемики по вопросу социально-экономического строя Древней Руси. Сторонники рабовладельческой концепции ссылались на «Краткий курс истории ВКП (б)», а Греков и поддерживавшие его историки на Ф. Энгельса, который писал о том, что славяне, так же как и германцы, миновали стадию рабовладения, сразу перейдя к феодальным отношениям. Заметим, что участие Сыромятникова в одном из важнейших событий в жизни советской исторической науки – это и способ напомнить о себе как о видном специалисте в области истории государства и права, попытка сделать заявку на вхождение

¹ Гутнова Е. В. Сергей Данилович Сказкин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000. С. 205.

² Шмидт С. О. Самый талантливый с нашего курса // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения. СПб., 2001. С. 33.

ние в элиту советской науки.

Участию историка в полемике с Б. Д. Грековым практически не уделяется внимания. Данный эпизод разбирается только в монографии Н. А. Горской, посвященной научной биографии Б. Д. Грекова¹. Объяснить это можно во многом тем, что документы, освещающие дискуссию, не были введены в научный оборот. Между тем, именно критику Сыромятникова глава советской медиевистики посчитал для себя наиболее опасной. Наравне с А. С. Шестаковым Сыромятникова рассматривали в качестве лидера оппозиции автору «Киевской Руси». На это указывают письма Б. Д. Грекова, обнародованные Н. А. Горской². Об этом свидетельствует и фраза, оброненная А. Л. Сидоровым на заседании историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г.: «Многие товарищи под руководством Шестакова и присутствующего здесь проф. Сыромятникова старались на многих дискуссиях доказать, что не только Киевское государство, но и Московская Русь чуть ли не до XV в. являлись государствами рабовладельческими»³.

Важным событием стал доклад Сыромятникова «Проблема рабства в древней Руси»⁴, прочитанный в Институте государства и права Академии наук 9 января 1940 г. в присутствии Б. Д. Грекова. В этом докладе исследователь обратился к проблеме истоков формирования феодального порядка на Руси.

Сыромятников разделил свое выступление на две части: в первой он подробно разобрал основные тезисы концепции Б. Д. Грекова, а во второй – обосновал рабовладельческий характер социально-экономического строя Киевской Руси⁵.

В начале докладчик подверг резкой критике мнение Б. Д. Грекова (с опорой последнего на Ф. Энгельса) о том, что славяне миновали стадию рабовладельческой формации и перешли в феодализм через стадию дофеодального периода. С таким решением вопроса Сыромятников был категорически не согласен. Также со сносками на классиков марксизма-ленинизма, он утверждал, что «с точки зрения марксистской теории – никакого особого «дофеодального периода» не существовало, кроме периода рабовладельческого»⁶. Он признавал абсолютную универсальность схемы мировой исто-

¹ Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков... С. 152–154.

² Там же. С. 152.

³ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 87.

⁴ Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 366. К. 26. Ед. хр. 14. В архиве сохранился как сам доклад, так и протоколы заседания. Кроме того, тезисы доклада обнаружены в личном фонде С. В. Бахрушина (Архив РАН. Ф. 624. Оп. 5. Д. 253).

⁵ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 26. Ед. хр. 14. Л. 3.

⁶ Там же.

рии, предложенной марксизмом¹. Следуя этой логике, Русь просто обязана была пройти через эпоху рабовладельческой формации.

Сделав ряд обязательных ссылок на классиков марксизма-ленинизма и «Историю ВКП(б)», которые придавали его мнению основательности и служили защитой от выпадов оппонентов, Сыромятников перешел к критике взглядов Б. Д. Грекова по существу.

Сторонники феодализации Киевского государства главной своей задачей считали доказательство наличия крупного землевладения как основного признака феодальных порядков. Так, Греков стремился показать существование крупной вотчины, ссылаясь на «Повесть временных лет», где упоминалось о существовании деревни Ольжичи, принадлежавшей княгине Ольге. Сыромятников не отрицал существование этого факта, но недоумевал по поводу очевидно искусственного стремления Грекова трактовать это как свидетельство наличия огромных феодальных владений у княгини: «Спрашивается, как же это единственное село превращается у Грекова в колоссальные земельные владения княгини Ольги?»². Далее он объяснил это устремление: «По-видимому, и т. Греков и т. Юшков полагают, что если бы им удалось доказать, что у нас «крупное землевладение» появилось хотя бы в VI в., то это значит, что у нас появился феодализм». Но сам факт наличия крупного землевладения, по мнению историка-юриста, еще не свидетельствовал о наличии феодальных отношений: «Мы знаем, что крупное землевладение было признаком рабовладельческих обществ, например, античных»³. Исходя из этого, Сыромятников выдвигал важный методологический посыл: «Таким образом, вопрос заключается не в том, было ли в XI–XII вв. на Руси крупное землевладение или его не было, а в том, каковы были формы, характер этого землевладения. Следовательно, чтобы доказать, что крупная вотчина Киевской Руси была феодальной, нужно доказать, что она имела феодальные признаки»⁴. А этих-то признаков историк и не находил. В его понимании, Древняя Русь – государство, где феодальные порядки можно найти лишь в зачаточном состоянии, а доминирующими являлись рабовладельческие отношения.

Первые известия о существовании рабов в русском обществе исследователь находил в VI в. Но тогда в силу первобытнообщинного равенства рабство не приобрело массового характера⁵. Ситуация поменялась с началом социальной дифференциации древнерусского общества. Выделение класса профессиональных воинов способствовало тому, что рабы превратились

¹ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 26. Ед.хр. 14. Л. 10 об.

² Там же. Л. 5 об.

³ Там же. Л. 7 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 62.

в важную часть военной добычи, за счет которой и существовали дружинники. Впрочем, увеличение количества рабов первоначально не привело к превращению рабства в ведущий способ производства. Это происходит со второй половины XI в. и особенно с XII в. В данное время дружинники оседали на своих вотчинах, начиная использовать для их обработки рабов, захваченных в результате войн и набегов. «В руках поднимающейся знати скапливаются целые стада рабов. Наступает момент «первого крупного» классового деления общества на свободных и рабов»¹.

Таким образом, Сыромятников трактовал крупное земельное владение не как феодальную вотчину, а как рабовладельческую хозяйственную единицу. Следовательно, общество, основанное на этом экономическом фундаменте, также являлось рабовладельческим, то есть таким, «господствующий класс которого базирует свою силу на эксплуатации несвободного труда, подобно тому, как и “античное государство” было преимущественно рабовладельческим»².

Сыромятников утверждал: «Начиная известиями VI ст. [Сыромятников ссылался при этом на Маврикия – прим. В. Т.] древнерусское рабство идет по восходящей линии, от свидетельств источников через Краткую Русскую правду XI в. к Пространной Русской правде XII – XIII вв. Именно Киевская Русь XII в. – наивысшая точка роста рабовладельческого хозяйства и поработительных тенденций»³.

Таков был вывод о характере социально-экономического строя Киевской Руси, сделанный Сыромятниковым в докладе. Очевидно, такие воззрения не были приемлемы для академика Б. Д. Грекова, который сделал ответное выступление через две недели.

К сожалению, до сих пор большая часть документов, касающихся академика Б. Д. Грекова недоступна, в том числе и упомянутый доклад. Поэтому мы считаем нужным осветить содержание выступления, используя работу об историке, написанную Н. А. Горской. Как ученица знаменитого исследователя она имела доступ к частному архиву семьи Грековых, и была знакома с содержанием его выступления. «С ответным докладом выступил Б. Д. Греков, опиравшийся на свидетельства письменных источников («Русская Правда», летописи), на данные археологии (добытые к тому времени раскопками Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, А. В. Арциховского и других исследователей, активно поддержавших Грекова). Б. Д. Греков старался показать не только научную несостоятельность, но и политическую тенденциозность построений Б. И. Сыромятникова. К временному затуханию полеми-

¹ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 26. Ед.хр. 14. Л. 63.

² Там же.

³ Там же.

ки по проблеме рабовладения в древнерусском обществе на этом этапе привела явная необубедительность аргументов Б. И. Сыромятникова (на фоне мнения ведущих специалистов), а также еще одно неудобство: «мешал» и Ф. Энгельс, утверждавший, что славяне и германцы миновали стадию рабовладения»¹.

Не будем заострять внимание на спорных моментах концепции Б. Д. Грекова, они стали более очевидны для современных исследователей, но что касается «тенденциозности построений» Б. И. Сыромятникова, то здесь следует возразить. Заметим, что картина социально-экономического строя киевского государства, нарисованная историком-юристом, была впервые им обнародована задолго до появления «Истории ВКП (б). Краткий курс», она во многом близка его взглядам, высказанным в курсе «История русского государственного права». А признание рабства едва ли не доминирующим социально-экономическим строем в Древней Руси имело глубокие корни в дореволюционной историографии. Как видно, Сыромятников фактически лишь стремился приспособить свои дореволюционные взгляды к новым научно-политическим реалиям советского общества, используя формационную теорию как форму своих представлений. Ситуация требовала принятия определенных правил игры.

Параллельно с дискуссией Сыромятников работал над собранием законодательных памятников, которое в перспективе должно было стать учебным пособием. Объем издания, почти законченного к 1941 г., должен был составлять около 50 печатных листов. В этой работе Сыромятников, по сути, представил концепцию социально-экономической истории Древней Руси, альтернативную теориям Б. Д. Грекова. На проект издания был написан положительный отзыв академика Ю. В. Готье. В нем он замечал: «Следует по всей справедливости признать, что Б. И. Сыромятников высококвалифицированный специалист и знаток истории русского права, лучший, быть может, представитель этой научной дисциплины в настоящее время»². Но, несмотря на поддержку Ю. В. Готье, книга из-за активного противодействия Института истории во главе с Б. Д. Грековым так и не увидела свет. Одной из причин такого итога было и то, что в Институте истории готовилось собственное собрание законодательных памятников под наблюдением Б. Д. Грекова и в русле его концепции существования феодализма в Древней Руси. Конкуренты ему были не нужны. В печати в виде статей появились лишь отдельные главы и разделы задуманной Сыромятниковым книги.

В неопубликованном сборнике документы были разбиты по эпохам таким образом, чтобы не просто показать существовавшее законодательство, но и осветить основные социально-экономические процессы. Каждый раздел предварялся достаточно подробным очерком общего развития русского об-

¹ Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков... С. 122–123.

² НИОР РГБ. Ф. 366. К. 39. Ед. хр. 3. Л. 1.

щества в изучаемую эпоху. Каждый памятник был подробно прокомментирован исследователем, в итоге в нем представала целостная картина общественной жизни русского общества на разных этапах его развития. Первый том собрания посвящался Древней Руси¹.

Общий экскурс в историческое развитие Древней Руси Сыромятников начинал с констатации спорности вопроса: «Нам приходится, вместе с большинством исследователей, констатировать тот факт, что проблема так называемой Киевской Руси до сих пор остается предметом перманентной дискуссии, так что основные вопросы остаются поднесь наиболее «спорными» и нерешенными»².

Далее ученый стремился подчеркнуть необходимость использования достижений дореволюционной историографии, бережного отношения к достижениям науки, несмотря на ее «буржуазный» характер: «Только отталкиваясь от того, что было сделано ранее в изученной области, исследователь может продвигаться вперед в своих новых изысканиях, углубляя вместе с тем и фокусируя свою критическую мысль и освобождая себя от излишней необходимости открывать уже открытые Америки»³.

В данной работе историк заострил свой основной методологический посыл, от которого он отталкивался при изучении Киевской Руси. Он безапелляционно утверждал, что Русь развивалась так же, как и другие народы, следовательно, она также прошла стадию рабовладельческой формации. Эту закономерность он признавал универсальной: «При таких условиях говорить об «исключениях» закономерного процесса не приходится, ибо закономерность, как таковая, никаких исключений не допускает». Впрочем, существуют и исключения: «Эти исключения возможны там, где самый закономерный процесс уже не имеет места»⁴. Здесь Сыромятников заочно спорил с Б. Д. Грековым, который обосновывал концепцию перехода славян к феодализму, минуя рабовладельческую формацию. По мнению Сыромятникова, такой переход был возможен лишь в случае какого-либо неординарного события, круто изменившего ход развития народа, например, завоевания. Но в русской истории ученый ничего такого не находил. Таким образом, «пока же естественноисторический процесс налично, закономерность носит универсальный, абсолютный характер»⁵.

Не был согласен автор и с пониманием Б. Д. Грековым Киевской Руси как раннефеодального государства, «державы Рюриковичей». С его точки

¹ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 4. Ед. хр. 6.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 27.

⁵ Там же.

зрения, централизованность этого образования несколько преувеличена историками: «Исследователи должны были переключить свое внимание от «державы Рюриковичей» на исследование тех подлинных древнерусских государств («отдельных земель»), которые в течение ряда веков стойко сохраняли свою областную самостоятельность и политическую автономию. Эти «государства-города», с их демократичностью, издревле утвержденным «народоправным» строем, а не междукняжеские отношения должны стоять на переднем плане для историка-исследователя, который ставит своей целью изучение древнерусского «государства» в его типических и конкретно исторических формах, не поддаваясь односторонности и тенденциозности традиции летописи»¹.

Развивая свою мысль, и ссылаясь на А. Е. Преснякова², он сравнивал русские города с античными полисами, которые также базировали свою демократию на эксплуатации рабов. «Вместе с Пресняковым мы сходимся в той мысли, что в лице древнерусских городов-государств, «земель» или «волостей»... мы имеем типический образец древнерусской вечевой демократии, подобный античной «политии», естественно, со всем своеобразием, присущим каждому конкретному историческому явлению»³. В дореволюционной исторической науке такие взгляды, в той или иной форме, доминировали. Например, данная концепция нашла развернутое обоснование в работах историка-юриста, археолога и архивиста Д. Я. Самоквасова⁴. Кроме того, она получила плодотворное развитие в рамках школы И. Я. Фроянова, представители которой сознательно акцентируют свою связь с наследием дореволюционной историографии⁵.

В предложенной работе Сыромятников выделил два этапа развития русских городов-государств и «народоправства»: «Под влиянием своих теснейших связей с мировым оборотом и международными торговыми путями древняя Русь пережила два этапа своего культурно-политического расцвета и упадка: период подъема южной Руси (Киевщины) до эпохи крестовых походов (кон. XII в.), во главе с Киевом... и период новгородско-псковский, северо-западной окраины Руси (до конца XV в.), когда с перемещением мировых торговых путей Русь включилась в качестве члена Великой Ганзы в новую систему международной торговли, чем и создан был трехвековой расцвет последней древнерусской демократии»⁶.

¹ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 34–35.

² Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. Киевская Русь.

³ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 38.

⁴ Самоквасов Д. Я. Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб., 1873.

⁵ Например: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 210.

Итак, в труде была нарисована кардинально иная картина общественного строя Киевской Руси, чем та, что имела место у Б. Д. Грекова. Это была главная причина того, что Институт истории АН СССР всячески противодействовал попыткам автора опубликовать уже готовый многотомный труд.

Но на этом полемика не закончилась. Последним ее эпизодом стала статья Сыромятникова, посвященная проблеме социального статуса древнерусского смерда¹. Напомним, что в грековской концепции феодализма смерд играл важную роль. Автор «Киевской Руси» выделял два типа смердов: «1) смердов, не попавших в частную феодальную зависимость от землевладельцев; и 2) смердов, находящихся в той или иной степени зависимости от своих господ»². Существование второй категории смердов по мысли автора свидетельствовало о широком распространении феодальной зависимости в киевском обществе.

Совершенно иное понимание положения смерда находим у Сыромятникова. После скрупулезного анализа текстов Русской Правды историк-юрист пришел к выводу: «Перед нами везде смерд выступает в качестве свободного землевладельца, обрабатывающего свою «ролю» своим собственным хозяйственным инвентарем, живущего «с женою и детьми» на своем селе. К княжескому домену этот смерд древней Руси не имеет никакого отношения»³.

Такой вывод объективно наносил удар по концепции феодализма на Руси. Признание смерда абсолютно независимой фигурой ставило вопрос: а кто же обрабатывает огромные, описанные в работах Б. Д. Грекова, феодальные вотчины? Сыромятников не пишет прямо об этом в статье, но его вывод очевиден – рабы. Понимал этот намек и Б. Д. Греков, на что писал в своем классическом труде «Киевская Русь»: «Б. И. Сыромятников, считая Киевскую Русь обществом рабовладельческим, полагает, что в киевском обществе именно не смерд, а раб был основным производителем. Соответственно с этой своей совершенно не доказанной и недоказуемой мыслью он старается тенденциозно истолковать данные Русской Правды»⁴.

Ответа не последовало. Дальнейшую полемику прервала смерть Сыромятникова. В 1949 г. в разгар борьбы с «ксомополитизмом» Греков продолжал дискредитацию оппонентов. На заседании Ученого Совета Института истории АН СССР он привел в качестве примера проявления антипатриотизма рабовладельческую концепцию. «Напомню, например, о течении, которое хотело

¹ Сыромятников Б. И. О «смерде» древней Руси (к критике текстов Русской правды) // Московский государственный университет. Ученые записки... Вып. 116. Труды юридического факультета. Кн. 2. 1946. С. 26–40.

² Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 2004. С. 208, 290.

³ Сыромятников Б. И. О «смерде» древней Руси... С. 40.

⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь... С. 304.

изображать Киевскую Русь в качестве общества рабовладельческого. Несомненно, это огромное принижение нашей истории...»¹, – говорил Греков.

Теория Сыромятникова о рабовладельческом характере Киевской Руси, пожалуй, не могла стать официально признанной. Причиной тому были не только научные соображения, но и изменившаяся политическая ситуация. В норму вошло возвеличивание русского прошлого, поэтому утверждение об интенсивной эксплуатации рабов в Киевской Руси могло рассматриваться государственными идеологами как ненужная тень на блестящем прошлом Родины. Полемика Б. И. Сыромятникова и Б. Д. Грекова была показателем того, как неоднозначно проходило становление общепринятой советской исторической концепции социально-экономического строя Киевской Руси, как тесно в ней переплетались политика и наука. Можно с уверенностью сказать, что в процессе становления официальной концепции истории Древней Руси, впоследствии вошедшей в обобщающие труды и вузовские и школьные учебники, вырисовывалась альтернативная, рабовладельческая теория характера социально-экономических отношений в Киевском государстве. У ее сторонников была продуманная аргументация, основанная как на источниках, так и на работах классиков марксизма-ленинизма. Но в борьбе за «символический капитал» (термин П. Бурдьё) они потерпели поражение.

Как исследователь древнерусского общества Сыромятников практически забыт. Многие не выдержало проверку временем и в концепции Б. Д. Грекова. Обе трактовки несли отпечаток своей эпохи и имели как свои недостатки, так и свои достоинства. Но то, что они оставили свой след, одна больший, другая меньший, в истории отечественной исторической мысли – важный историографический факт.

¹ Архив РАН. Ф. 1577 (Института истории АН СССР). Оп. 2. Ед. хр. 207. Л. 2.